какіе-нибудь два разгоряченные борьбой, продолжающіе валяться на полу, то сидящіе съ книгами кричать на нихъ: «Что вы тутъ замъшались?—ничего не слышно. Будеть!..»

Садятся они, гдъ кому вздумается: на лавкахъ, столахъ, подоконникъ, полу и креслъ.

Порядокъ полный: никто не шепчется, не щиплется, не смъется.

Часы уроковъ очень неправильны. «Иногда увлечется учитель и ученики, и вмъсто одного часа классъ продолжается три часа. Бываетъ, что ученики сами кричатъ: «нътъ,—еще, еще».

Дъти всегда имъли право не ходить въ школу и даже, приходя въ школу, не слушать учителя.

«По моему мнѣнію,—говоритъ Толстой,—внѣшній безпорядокъ этотъ полезенъ и незамѣнимъ, какъ онъ ни кажется страннымъ и неудобнымъ для учителя...

«Во-первыхъ, безпорядокъ этотъ, или свободный порядокъ, страшенъ намъ только потому, что мы привыкли къ совсёмъ другому, въ которомъ сами воспитаны. Во-вторыхъ, въ этомъ, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, насиліе употребляется только вслёдствіе поспёшности и недостатка уваженія къ человёческой природѣ. Намъ кажется, безпорядокъ растетъ, дёлается все больше и больше, и нётъ ему предёловъ,—кажется, что нётъ другого средства прекратить его, какъ употребить силу, а стоило только немного подождать, и безпорядокъ (или оживленіе) самъ естественно улегся бы и улегся бы въ порядокъ гораздо лучшій и прочнёйшій, чёмъ тотъ, который мы выдумаемъ».

Толстой требуеть, чтобы на дітей смотрізли какъ на разумныхь и мыслящихъ существъ, которыя сами способны понять необходимость порядка, но которыя не выносять только насильственнаго вмізшательства, чуждаго ихъ опыту.